

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЙ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

УДК 316.334.3

Социальные инновации в городах России: оценка потенциала менеджмента услуг

А. И. Балашов¹, Е. А. Васильева², Д. А. Столярова³

¹ Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., 13

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Для цитирования: Балашов А. И., Васильева Е. А., Столярова Д. А. Социальные инновации в городах России: оценка потенциала менеджмента услуг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 424–440. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.407>

В статье представлен метод оценки потенциала социальных инноваций в городах Российской Федерации на основе использования показателей качества жизни граждан, представленных ВЭБ.РФ. Под потенциалом социальных инноваций понимается наличие совокупности условий социально-экономического развития, которые положительно влияют на создание, распространение и использование инноваций в сфере предоставления социальных услуг, как технических, так и управленческих. В ходе исследования была проведена иерархическая кластеризация городов в соответствии с комплексной оценкой, проведенной с использованием метода Варда. Определено, что в кластер с высоким потенциалом возникновения и развития социальных инноваций входят только два города из проанализированных; наибольшее количество городов включены в кластер с низким уровнем потенциала. Высокий уровень потенциала выявлен в небольших моногородах, с гомогенизированным населением, занятым в высокотехнологичном производстве, которое характеризуется высоким уровнем самоорганизации и гражданской активности. Население городов с наиболее низким уровнем потенциала отличается высоким уровнем разобщенности, что не компенсируется более высоким уровнем доходов. Установлено, что ключевыми факторами, определяющими потенциал, являются активность взаимодействия внутри сообществ и наличие организаций, осуществляющих свою деятельность в социальной сфере. Таким образом, можно предположить, что повышение потенциала социальных инноваций в городах Российской Федерации находится в зависимости от коммуникационных компетенций местных ор-

ганов власти и создания действующей системы социального предпринимательства, что выдвигает на первый план проблему интеграции методов современного эффективного менеджмента в сферу социальных услуг.

Ключевые слова: социальные инновации, сфера услуг, менеджмент, инновационный потенциал, местное самоуправление.

Введение

Глобальные потрясения, которые проходят в настоящее время в мире, актуализировали необходимость активизации потенциала местных сообществ для решения социальных проблем. В ходе пандемии, спровоцировавшей разрыв ряда традиционных логистических связей и одновременное возрастание запроса граждан на повышение качества социальных услуг, сложились условия, при которых именно местные органы власти становятся ключевым субъектом, ответственным за поиск, апробацию и внедрение инноваций, способных повысить эффективность социальной сферы.

В Российской Федерации в силу особенностей распределения производительных сил и бюджетного процесса социально-экономический потенциал муниципалитетов значительно дифференцирован, но управление социальной сферой осуществляется унифицированно, на основе одних и тех же подходов, требований и методов. Вместе с тем запрет на внедрение инноваций, призванных учитывать местную специфику экономики и социальной сферы, законодательно не определен. Однако деятельность такого рода требует наличия определенных условий, которые определяются как объективными, так и субъективными факторами, и, в частности, большое значение имеет коммуникативная составляющая. В научной литературе и в практике местного самоуправления необходимость инновативной деятельности в социальной сфере не подвергается сомнению, но методика, которая позволила бы в полной мере определить потенциал конкретной территории относительно именно социальных инноваций, нет [1]. Второй значимой проблемой является оценка перспективы применения методов менеджмента в социальной сфере. Инновационное предпринимательство, ставшее залогом успешного повышения качества системы предоставления социальных услуг в ряде государств, в отечественной практике не получило широкого распространения, что также представляется результатом коммуникативного разрыва и неразвитости гражданского общества.

В настоящей статье представлены результаты применения методики оценки потенциала городов Российской Федерации в сфере социальных инноваций на основе показателей, характеризующих качество жизни. Основным исследовательским вопросом было определение факторов, которые в наибольшей степени определяют потенциал муниципального менеджмента в сфере оптимизации системы предоставления социальных услуг гражданам.

Обзор литературы

Определения социальной сферы в литературе по менеджменту можно подразделить по трем основаниям:

- по отраслевому признаку [2, с. 6; 3, с. 253; 4] к социальной сфере относят те отрасли экономики, которые определяют процессы воспроизводства и реализации

человеческого потенциала (капитала) за счет обеспечения комплекса жизненных условий людей;

- как часть общественного сектора [5, с. 119; 6, с. 387–389; 7], социальная сфера определяется как часть экономического пространства, в рамках которого рыночные механизмы не функционируют эффективно, так как его ориентиром выступает производство, распределение, обмен и потребление общественных благ, особенность которых заключается в неконкурентоспособности совместного потребления и наличии признака неисключаемости;
- как область социальной политики [8, с. 878], социальная сфера представляет собой область государственного управления, целью которой является обеспечение высокого качества жизни.

Хотя большинство авторов признает, что управление социальной сферой, в силу ее специфики, является преимущественно задачей государства, некоторые исследователи отмечают, что разработанная в XIX в. концепция «государства всеобщего благосостояния», базирующаяся на принципе равного доступа всех граждан к базовым социальным услугам, в настоящее время неэффективна [9, с. 14; 10, с. 1318]. Причиной этого они называют усложнение общественных взаимоотношений, возникновение новых социальных рисков, а также сужение возможностей финансирования социальной сферы за счет бюджетных средств вследствие экономического кризиса. В качестве решения была предложена концепция welfare mix [11], суть которой заключается в создании диверсифицированной инфраструктуры социальной помощи за счет более активного привлечения негосударственных акторов, таких как коммерческий сектор, некоммерческие организации (НКО) и даже отдельные активные граждане.

Понятие «социальные инновации» отражает особенности государствоцентричного подхода к управлению социальной сферой в новых условиях нестабильности. Его суть заключается в поощрении государством общественной активности, направленной на предоставление социальных услуг посредством сети общественных субъектов, которые могут принимать форму общественных практик, социальных движений и даже новых институтов [12; 13, с. 44]. При этом следует учитывать различие между классическим определением инноваций как технологических изменений, направленных на внедрение новых товаров, рынков и организационных норм [14, с. 452] с целью достижения коммерческого успеха и получения дополнительного дохода, и социальных инноваций как изменений, направленных в первую очередь на повышение эффективности производства общественных благ. Ключевым во втором определении является коммуникативная составляющая, так как залогом достижения поставленных целей в этой системе становится изменение социальных структур и отношений за счет более результативных способов выявления и учета потребностей пользователей социальных услуг и обеспечения самоорганизации местных сообществ. Как отмечает К. А. Устинова, социальные инновации определяются как вид деятельности, «созданной разными субъектами общества (государство, бизнес и гражданское общество), принятой и институционализированной в качестве новой социальной практики для удовлетворения потребностей и решения проблем наилучшим образом (чем это сложилось)» [15, с. 1820].

Анализ жизненного цикла социальной инновации [16; 12; 17, с. 2162–2170] также фиксирует высокое значение оценки качества взаимодействия между всеми

актерами, так как успешность внедряемой практики определяется тем, насколько интериоризировано такое поведение в заинтересованных социальных группах. В России вследствие слабой развитости гражданского общества ответственность за качество коммуникации возлагается на органы государственной власти, в первую очередь на местное самоуправление как наиболее приближенный к гражданам властный институт. При этом, как отмечают Е. В. Попов, Ж. К. Омонов и др. [18, с. 41], отношение к социальным инновациям неоднозначно. Несмотря на то что в литературе они расцениваются как конкурентные преимущества территорий, позволяющие обеспечить развитие маргинальных и/или периферийных районов, в практической реализации этого метода управления можно выделить некоторые риски, а именно — возможность возникновения негативных социальных эффектов, таких как фокусировка только на одной конкретной проблеме или социальной группе или наличие неизбежной угрозы провала реализации планируемых нововведений, что чревато снижением уровня общественного единства и доверия к органам государственной власти. В управленческой практике в качестве способа активизации местного потенциала предложен подход социального предпринимательства [19–21], суть которого заключается, с одной стороны, в активизации и поддержке инициатив коммерческих организаций в социальной сфере, а с другой — в создании организаций, предоставляющих социальные услуги в формате государственно-частного партнерства с преимущественно государственным финансированием.

Тем не менее сформировавшийся тренд на внедрение в государственное управление экосистемного подхода [22, с. 1350] актуализирует и активно формирует общественный запрос на реализацию государством персонализированного подхода к оказанию социальных услуг, что заставляет муниципалитеты пересматривать сложившуюся систему взаимоотношений между участниками инновационной активности в пользу субъект-субъектного подхода. Другими словами, задача государства в целом и особенно органов управления местных сообществ меняется от непосредственного предоставления услуг к созданию условий для взаимодействия коммерческого сектора, социально ориентированных НКО и гражданского общества как формы самоорганизации граждан. Особое значение это приобретает для городов, где высок уровень атомизации и социального отчуждения [23]. Успешность социально-экономического развития города, таким образом, ставится в зависимость от способности муниципалитета обеспечить такую среду, в которой акторы будут настроены на активное взаимодействие с целью повышения качества жизни горожан и поиск инновативных социальных практик.

Итак, в рамках представляемого исследования социальные инновации определяются как управленческие практики, направленные на активизацию местных сообществ в социальной сфере, а потенциал для их появления и развития понимается как наличие совокупности условий социально-экономического развития, которые положительно влияют на создание, распространение и использование инноваций в сфере предоставления социальных услуг, как технических, так и управленческих. В качестве методологической основы исследования выступила концепция *welfare mix*, а в качестве ключевого фактора, характеризующего инновационный потенциал территорий, рассматриваются условия, определяющие коммуникативную составляющую территориального менеджмента.

Методы

Целью исследования была апробация методики оценки инновационного потенциала территорий на основе вторичного анализа данных, предоставленных ВЭБ.РФ. Основная исследовательская гипотеза заключается в том, что количественные данные, используемые для оценки качества жизни в городах России в соответствии с методикой ВЭБ.РФ, могут быть использованы для оценки потенциала внедрения социальных инноваций на конкретной территории за счет совершенствования коммуникативной составляющей территориального менеджмента.

Исследование проводилось в два этапа. Задачей первого этапа было приведение избранных количественных показателей качества жизни населения в городах России к виду, позволяющему обеспечить их сопоставление в целях сравнительного анализа потенциала возникновения и развития социальных инноваций. Был проведен вторичный анализ представленных ВЭБ.РФ количественных данных измерения качества жизни населения в 51 городе России, из которых отбирались показатели, определяющие факторы развития социальных инноваций:

- «Количество крупных компаний города, имеющих программы КСО» — данные за 2019 и 2021 гг., предоставлены СПАРК Интерфакс, сайтами компаний;
- «Количество социальных предприятий» — 2020 г., данные предоставлены ФНС России;
- «Оценка причастности к сообществам» — 2021 г., данные опроса респондентов, проведенного ВЭБ.РФ;
- «Доля граждан, вовлеченных в процессы принятия городских решений» — доля граждан в возрасте старше 14 лет, вовлеченных в принятие решений по вопросам городского развития, в общей численности городского населения в возрасте старше 14 лет, 2020 г., данные муниципальной статистики;
- «Оценка межличностного доверия» — доля респондентов, доверяющих людям, живущим в их городе, 2021 г., данные опроса респондентов, проведенного ВЭБ.РФ;
- «Уровень качества образования» — 2019 г., положение региона в сводном рейтинге качества образования Рособнадзора [24].

После обобщения данных количественные значения показателей были нормализованы (приведены в безразмерный вид) в соответствии с методологией «Рейтинг инновационного развития субъектов РФ» от НИУ ВШЭ. Нормализованные значения показателей по каждому городу определялись как отношение разницы между взятым значением показателя и минимальным значением показателя по всем городам к разнице между максимальным и минимальным значением выбранного показателя по всем исследуемым городам и рассчитывались по формуле:

$$X_i^g = \frac{x_i^g - x_i^{\min}}{x_i^{\max} - x_i^{\min}}, \quad (1)$$

где X_i^g — это нормированное значение i -го показателя в g -городе; x_i^g — это первичное значение i -го показателя в g -городе; x_i^{\min} — это минимальное значение i -го показателя; x_i^{\max} — это максимальное значение i -го показателя.

На втором этапе был проведен опрос экспертов с целью определения веса показателя в итоговой оценке потенциала городов. В качестве экспертов ($N = 14$) были привлечены:

- исследователи (8 человек) — лица, представившие за последние 5 лет более одной публикации на тему социальных инноваций или инноваций в социальной сфере, а также участвовавшие в деятельности лабораторий и центров, связанных с исследованием социальной политики, гражданского общества, социального предпринимательства;
 - представители центров инноваций социальной сферы (далее — ЦИСС) (4 человека) — представители государственных структур от консультирующих специалистов до руководителей, в том числе руководители ЦИСС Югра (Ханты-Мансийский АО), ЦИСС Брянской области, ЦИСС Новосибирской области;
 - представители НКО и социального бизнеса (2 человека), в том числе сотрудники благотворительного фонда «Центр социальных программ» (ЦСП) РУСАЛа.
- Всего были привлечены эксперты из 10 регионов РФ.

Опрос проводился в форме полужформализованного интервью. Вопросы, касающиеся непосредственного определения веса каждого из 6 показателей, использованных в оценке потенциала городов, были ограничены выбором от 1 до 10 по степени их важности (от минимальной до максимальной). Вес показателя определялся по формуле:

$$V_i = \frac{\sum_{j=1}^N K_{ij}}{\sum_{j=1}^N \sum_{i=1}^M K_i}, \quad (2)$$

где V_i — это числовой коэффициент веса i -го показателя; K — это значение важности i -го показателя по мнению j -го эксперта; $i = 1, \dots, M$, где M — количество показателей; $j = 1, \dots, N$, где N — это количество экспертов.

Полученные весовые коэффициенты показателей представлены в табл. 1.

Таблица 1. Весовые коэффициенты показателей факторов социальных инноваций

Название показателя	Весовые коэффициенты показателей	Название показателя	Весовые коэффициенты показателей
Количество социальных предприятий	0,161	Доля граждан, которые вовлечены в процессы принятия решений в вопросах городского развития	0,171
Количество крупных компаний города (топ-10), имеющих программы КСО	0,171	Оценка межличностного доверия (к обществу в городе)	0,163
Оценка причастности к сообществам	0,182	Уровень качества образования	0,152

На основе обобщения полученных данных определялся потенциал городов для появления социальных инноваций и их развития по формуле:

$$Q_g = \sum_{(i=6)} (V_i X_i^g), \quad (3)$$

где Q_g — это комплексная оценка потенциала g -города для появления и развития социальных инноваций; V_i — это числовой коэффициент веса i -го показателя; X_i^g — это нормированное значение i -го показателя в g -городе.

Результаты исследования

По итогам исследования был составлен рейтинг городов по степени благоприятности условий для появления и развития социальных инноваций (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг городов по потенциалу социальных инноваций

Город	Оценка	Ранг	Город	Оценка	Ранг
Северск	65,75	1	Екатеринбург	33,59	27
Салехард	63,36	2	Тобольск	33,58	28
Череповец	55,26	3	Великий Новгород	33,18	29
Архангельск	52,97	4	Ижевск	32,89	30
Ханты-Мансийск	49,46	5	Киров	32,79	31
Новый Уренгой	48,21	6	Тюмень	32,7	32
Самара	46,77	7	Барнаул	32,03	33
Красногорск	45,4	8	Балашиха	32	34
Сыктывкар	45,22	9	Калининград	31,79	35
Сургут	45,05	10	Рыбинск	30,76	36
Магадан	43,88	11	Тольятти	30,53	37
Тамбов	43,19	12	Иркутск	30,01	38
Якутск	43,04	13	Чита	27,75	39
Пермь	42,75	14	Улан-Удэ	27,4	40
Ставрополь	42,32	15	Новокузнецк	27,18	41
Казань	41,99	16	Рязань	26,98	42
Ярославль	41,15	17	Липецк	26,63	43
Новосибирск	40,38	18	Иваново	25,26	44
Йошкар-Ола	38,9	19	Владивосток	24,95	45
Кемерово	38,51	20	Курск	23,65	46
Омск	38,39	21	Брянск	23,41	47
Находка	38,14	22	Волгоград	21,12	48
Вологда	36,79	23	Волжский	20,91	49
Нижний Новгород	34,8	24	Магнитогорск	19,55	50
Томск	34,58	25	Орел	16,36	51
Бийск	34,27	26			

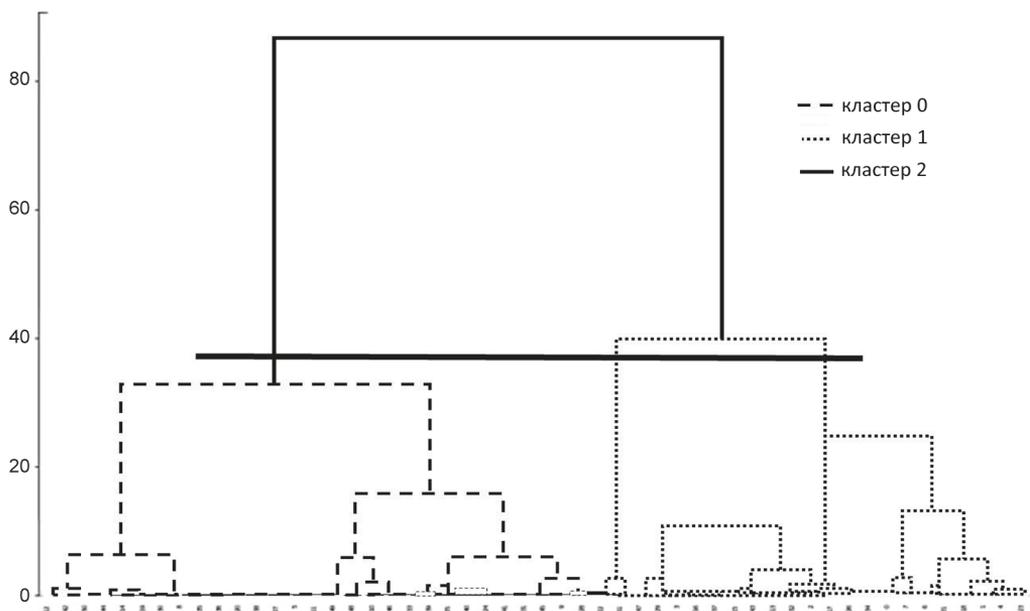

Рис. 1. Кластеризация городов по потенциалу социальных инноваций

Иерархическая кластеризация городов по полученной комплексной оценке с использованием метода Варда (дендрограмма представлена на рис. 1) позволила определить два крупных кластера, выделенных пунктиром и точками.

Краткая характеристика этих кластеров представлена в табл. 3.

Таблица 3. Кластеры городов, определенные по итогам комплексной оценки потенциала социальных инноваций

Номер кластера	2	1	0
Интервальные значения	65,75–63,36	55,26–36,79	34,8–16,36
Количество городов в кластере	2	21	28

Кластер 1 можно условно описать как города с высоким потенциалом возникновения и развития социальных инноваций, кластер 2 — города, имеющие средний уровень этого потенциала, кластер 0 — города с низким уровнем условий для возникновения и развития в них социальных инноваций. Следует обратить внимание на то, что последний кластер включает наибольшее количество исследованных городов.

Опрошенные эксперты определили возможность влияния ключевых критериев ВЭБ.РФ (численность населения, динамика изменения численности, среднемесячная заработная плата и климатическая группа) на процессы социальных инноваций. По их мнению, наибольшее влияние на развитие социальных инноваций имеют уровень экономической развитости территории, затем количество населения и динамика его изменения, а также географическое положение города.

В первый кластер входят два города: Северск и Салехард. Основные статистические данные по городам представлены на официальных сайтах администрации этих городов [25; 26].

ЗАТО город Северск, Томская область. Численность населения Северска составляет 112,1 тыс. человек (по состоянию на 2021 г.), среднемесячная заработная плата работника списочного состава в целом по ЗАТО равна 43 189 руб. (2020 г., по данным Комитета экономического развития города). В регионе, в котором находится город, работает инфраструктура «Мой бизнес», где осуществляется помощь социальному предпринимательству, но отдельного Центра инноваций в социальной сфере при этой инфраструктуре нет. Северск представляет собой моногород, имеет статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), что по большей части связано с характером промышленного производства в городе. Судя по данным, представленным на сайте администрации города, ведущее направление промышленности — производство ядерного топлива, градообразующим предприятием является Сибирский химический комбинат. Северск является самым крупным ЗАТО в системе государственной корпорации «Росатом».

Если обратиться к количественным значениям показателей качества жизни в Северске, то можно отметить, что максимальное значение имеет показатель «Количество социальных предприятий»: в первичном формате показатель составляет 2,66 ед. на 10 тыс. чел. (для сравнения: в среднем по России 0,31 ед. на 10 тыс. чел.). Также определен высокий уровень показателей «Оценка причастности к сообществу» (ненормализованное значение — 33,91; нормализованное значение — 82,4), «Доля граждан, вовлеченных в вопросы управления города» (нормализованное значение — 70,3), «Уровень качества образования» (нормализованное значение — 74,26). В то же время в городе наблюдается довольно низкий (ниже среднего) уровень межличностного доверия, и всего лишь 4 организации, действующих в городе, имеют программы социальной ответственности.

Город Салехард, административный центр Ямало-Ненецкого автономного округа, Тюменская область. Население Салехарда составляет около 50 тыс. человек, среднемесячная зарплата в городе равна 106 140,8 руб. по данным за 2019 г. (информация представлена на сайте администрации города Салехард). В городе развита промышленность в области добычи золота (ПАО «Ямалзолото») и газа (как и в целом по Ямало-Ненецкому АО). ЦИСС в региональной инфраструктуре поддержки МСП «Мой бизнес» отсутствует. Особенностью Салехарда является слабая транспортная связь с другими субъектами РФ, поскольку город находится на линии Северного Полярного круга.

Анализ показателей качества жизни свидетельствует, что город характеризуется высоким значением показателя «Оценка причастности к сообществам» — 90,7 (не в нормализованном виде — 36,11, в среднем по России показатель равен 21,16), а также высокой долей участия граждан в процессах решения городских вопросов (в нормализованном виде показатель равен 80). Особую роль играет установленный в ходе опроса высокий уровень межличностного доверия в городе, который имеет максимальное значение среди всех исследованных городов (первичное значение показателя составляет 84,26 %, тогда как по в среднем по России показатель равен 58,47 %). Вместе с тем в городе нет крупных организаций с про-

граммами социальной ответственности, хотя показатель количества социальных предприятий имеет значение выше среднего.

Таким образом, высокий потенциал социальных инноваций в этих двух городах обусловлен высокой оценкой респондентами своей причастности к сообществам, что определило их значительный отрыв от 3-го места в рейтинге, который занимает город Череповец, где ненормализованное значение этого показателя составляет 24,75 %, что на 10 п. п. ниже, чем в двух ведущих городах. Это позволяет предположить, что ведущее положение в рейтинге этих городов объясняется высоким уровнем активности гражданского общества в вопросах городского развития и значительным количеством социальных предприятий. Вместе с тем следует отметить, что Салехард и Северск значительно различаются по критериям ВЭБ.РФ, отмеченным экспертами как наиболее значимые для оценки потенциала социальных инноваций.

В нижних строках рейтинга представлены города Магнитогорск и Орел.

Магнитогорск, Челябинская область. Численность населения Магнитогорска по состоянию на 2021 г. составляет более 410 тыс. человек, среднемесячная заработная плата населения — 56 296,8 руб. [27]. Город является центром черной металлургии, имеются крупные запасы железной руды, представляет собой крупный культурный и деловой центр Урала. В регионе работает инфраструктура «Мой бизнес», однако областной ЦИСС отсутствует.

По итогам анализа в Магнитогорске выявлены низкие значения почти по всем показателям, которые составляют оценку потенциала социальных инноваций в городе. По показателям «Количество социальных предприятий» (0,05 единиц на 10 тыс. человек) и «Доля граждан, вовлеченных в процессы принятия решений городского развития» (13 пунктов в ненормализованном виде) значения минимальны, оба едва достигают 1 в нормализованном виде. Оценка межличностного доверия составляет 55 % (нормализованное значение — 7,8), а оценка причастности к сообществам 13 % (нормализованное значение — 11,5). Единственным относительно высоким показателем является «Уровень качества образования» (79 в нормализованном виде, 55 баллов в ненормализованном).

Орел, Орловская область. Население Орла по состоянию на 2021 г. составляет 303 тыс. человек, среднемесячная зарплата населения равна 41 157 рублей. В городе действует Центр машиностроения Центрально-Черноземного экономического района. В регионе работает инфраструктура «Мой бизнес», однако областной ЦИСС отсутствует.

Анализ показателей качества жизни, так же как в Магнитогорске, продемонстрировал низкий уровень активности городского населения в решении местных вопросов. Так, оценка причастности в ненормированном виде составляет 11,88 % (тогда как даже в среднем по России этот показатель равен 21,19 %), что является минимальным значением этого показателя. Такая же тенденция отмечается по показателю уровня межличностного доверия (44,55 % при среднем по городам РФ — 58,47 %). В целом значения почти всех показателей (за исключением качества образования), которые характеризуют условия для появления социальных инноваций в городе, имеют низкий уровень: в нормализованном виде значение всех показателей ниже 25.

Таким образом, можно отметить, что низкий потенциал социальных инноваций в этих городах обусловлен в первую очередь низким уровнем гражданской активности.

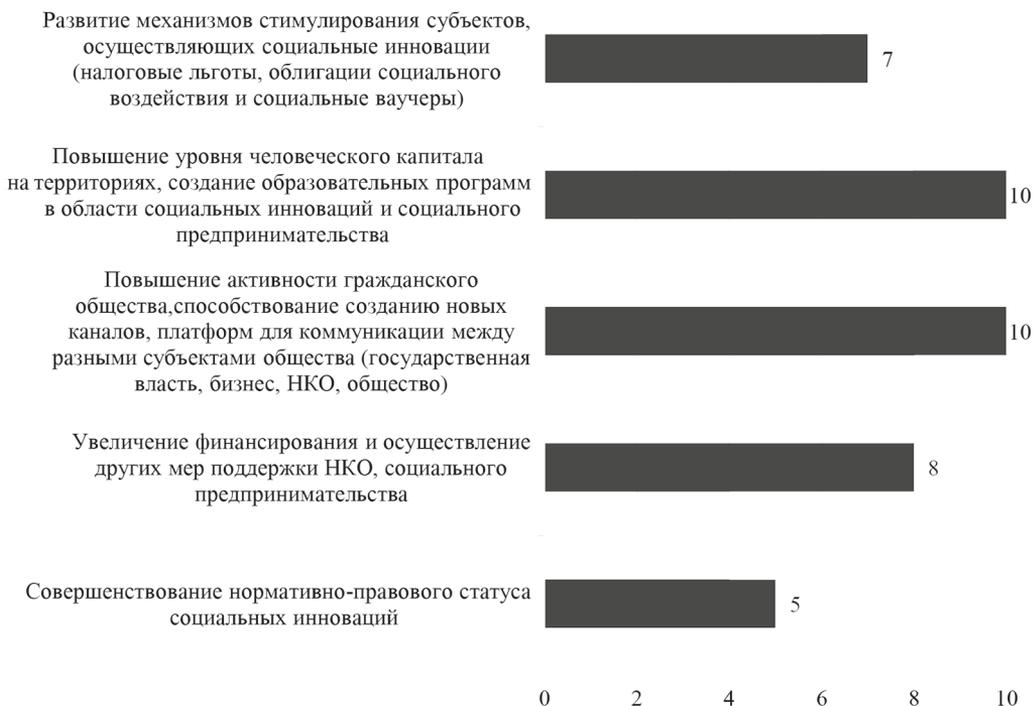

Рис. 2. Приоритетные направления деятельности, способствующие развитию социальных инноваций в городах России

На втором этапе исследования эксперты предложили ряд мер, которые, по их мнению, могут способствовать стимулированию социальных инноваций на основе представленных данных (см. рис. 2). Наиболее приоритетными, по мнению экспертов, направлениями формирования программ развития социальной сферы являются повышение уровня человеческого капитала посредством внедрения образовательных программ и активизация гражданского общества в решении вопросов городского управления. Наименее результативными являются мероприятия, направленные на совершенствование законодательной базы. Таким образом, можно предположить, что, по мнению экспертов, актуализация инновационного потенциала в социальной сфере возможна скорее методами менеджмента, чем государственного администрирования. Наибольшее внимание при этом уделяется необходимости стимулирования социального предпринимательства и обеспечения эффективной коммуникации внутри сообщества.

Лимиты

Следует отметить, что показатели качества жизни населения в городах России, разработанные ВЭБ.РФ, послужившие базой для первого этапа исследования, довольно ограничены в отношении определения социальных инноваций. Но в связи с отсутствием ЦИСС в большинстве регионов РФ и неоднородностью информации об их деятельности других достоверных и сопоставимых данных найти не удалось.

Мы признаем, что полученные результаты могут иметь методологические ограничения, связанные с особенностями метода минимальной дисперсии Варда. В рамках проведенного исследования для нивелирования эффекта длины шкал признаков количественные значения показателей были нормализованы, однако, возможно, предпринятых мер недостаточно для полноценного подтверждения репрезентативности полученных результатов. Тем не менее представляется, что предложенный подход имеет исследовательскую перспективу, так как позволяет объективизировать и автоматизировать сравнительный анализ таких субъективно ориентированных понятий, как качество жизни и качество управления.

Также следует учитывать, что построение динамического ряда для сравнения значений показателей на основе базы данных ВЭБ.РФ не представляется возможным, так как количественные значения показателей представлены за один год, и эти года не всегда сопоставимы. Так, значения показателя «Уровень качества образования» представлены за 2019 г., когда как данные показателя «Оценка причастности к сообществам» — за 2021 г.

При этом, хотя ряд показателей, в частности «Оценка причастности к сообществам» и «Оценка межличностного доверия», позволяют достаточно релевантно определить субъективное отношение граждан к социальному развитию, авторами не были выявлены данные, позволяющие достоверно определить качество государственного управления в городах, например уровень развития нормативно-правовой базы для поддержки социальных инноваций на уровне городов, что также несколько ограничивает прогнозный потенциал настоящего исследования для разработки рекомендаций по совершенствованию системы организации социальных инноваций.

Для совершенствования предложенного метода оценки требуется определение показателей, которые позволяют более точно определить, насколько органы управления в городе имеют возможность, способность и готовность формировать и использовать свои ресурсы так, чтобы они стимулировали возникновение социальных инноваций как важного источника для решения местных проблем в социальной сфере и способствовали успешному распространению и использованию этих инноваций.

Дискуссия и заключение

Итак, по итогам исследования были определены критерии оценки территориальных условий, определяющих процессы развития социальных инноваций. Установлено, что такая оценка может проводиться по аналогии с измерениями инновационного потенциала, вызванного техническим прогрессом. Было определено, что выделенные территориальные условия развития, связанные с социальными инновациями, отражают потенциал города к развитию и появлению социальных инноваций. В качестве ключевых показателей были определены уровень экономической развитости территории, количество населения и динамика его изменения, а также географическое положение города.

Полученные результаты позволяют предположить, что влияние уровня достатка на активность гражданского общества действует только по средним значениям. Фактически уровень дохода населения не является главным и доминирующим

фактором для того, чтобы можно было называть город потенциально имеющим условия для успешного развития социальных инноваций. К примеру, ЗАТО Салехард имеет довольно небольшой доход населения (около 43 тыс. руб. в среднем), при этом он находится на первом месте в рейтинге. В то же время в Магнитогорске в среднем заработная плата населения составляет 56 тыс. руб., но город расположен почти в самом конце рейтинга ввиду низкой вовлеченности горожан в решение проблем города, низкой причастности к местному сообществу и почти полного отсутствия социальных предприятий в городе. Соответственно, решающим становится фактор качества государственного менеджмента, так как именно государство формирует законодательную базу, задающую особенности местной инновационной инфраструктуры, определяет образовательную политику, способствующую развитию человеческого капитала, и экономическую политику, в рамках которой определяются направления социально-экономического развития.

Выявленные по итогам исследования города с высоким уровнем потенциала социальных инноваций можно определить как небольшие моногорода с достаточно гомогенизированным населением, занятым в высокотехнологичном производстве, что подразумевает высокий образовательный уровень. Такие сообщества, как правило, характеризуются высоким уровнем самоорганизации и гражданской активности, что, с одной стороны, облегчает местным властям выполнение коммуникационной функции, так как сообщество достаточно структурировано, но, с другой стороны, отсутствие конкуренции исключает возможность управленческого маневра, что снижает перспективы качественного контроля. Города с низким инновационным социальным потенциалом характеризуются высоким уровнем атомизированности, что и обуславливает низкий уровень социальной сплоченности. В таких условиях требования к местным органам власти возрастают, так как возникает необходимость стимулирования не только гражданской активности, но и непосредственно инновационной активности, то есть поиска проектов, направленных на внедрение новых методов удовлетворения социальных потребностей горожан, что сопряжено, конечно, с возрастанием рисков, связанных с процессом реализации социальных инноваций, которые в полной мере возлагаются на муниципалитеты.

Также можно предположить, что в моногородах, где муниципальное управление в значительной степени использует методы менеджмента, система предоставления социальных услуг также в значительной мере «менеджеризована», то есть более активно использует современные практики, такие как брендинг, клиентоориентированность, аутсорсинг, виртуализация, переход к горизонтальным управленческим структурам, а также интеграция поставщиков и потребителей социальных услуг [28]. Именно применение более эффективных методов взаимодействия позволяет обеспечить активизацию гражданского общества, усовершенствовать коммуникативные практики, обеспечить использование инновационного потенциала в социальной сфере. Этот же аспект отмечают привлеченные эксперты, которые в качестве наиболее предпочтительных методов повышения потенциала социальных инноваций отмечают активизацию социального предпринимательства.

Таким образом, можно констатировать, что оценка потенциала социальных инноваций города, проводимая на основе критериев оценки качества жизни, может способствовать выбору или коррекции социальной политики муниципальных органов власти. В случае, если потенциал высок, органы государственной власти

могут сосредоточиться на коммуникативной составляющей, выступая в качестве модератора при взаимодействии акторов и выполняя функцию контроля качества предлагаемых инноваций. Но если потенциал низкий, то задачей местных властей должны стать и активизация инновационной активности, и развитие местного сообщества посредством стимулирования самоорганизующихся структур. Инструментом этого может стать более активное применение методов менеджмента одновременно как способа организации взаимодействия акторов в системе социальных услуг и как непосредственного способа их предоставления.

Литература

1. Доклад о реализации мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, за 2020 г. URL: https://admtyumen.ru/files/upload/OIV/D_soc-r/Доклад%20о%20реализации%20мер%20по%20обеспечению%20поэтапного%20доступа%20негосударственных%20организаций%20к%20бюджетным%20средствам%20в%202020%20году.pdf (дата обращения: 18.05.2022).
2. Вьюнов С. С., Клыпин А. В. К вопросу оценки востребованности результатов исследований и разработок реальным сектором экономики и отраслями социальной сферы // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 1. С. 122–142.
3. Соколова С. В. Социальная сфера как объект управления // Вестник Университета. 2015. № 6. С. 251–253.
4. Лихнович Ю. Ю. Социальная сфера и социальная инфраструктура: подходы к определению // Проблемы экономики, финансов и управления производством: сборник научных трудов вузов России. 2008. № 25. С. 304–310.
5. Абубакиров Р. Ф. Социальная сфера как составляющая общественного сектора современной экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 3. С. 118–123.
6. Samuelson P. A. The pure theory of public expenditure // The review of economics and statistics. 1954. Vol. 36, no. 4. P. 387–389.
7. Аубакирова К. И., Голубева А. А., Соколова Е. В. Мотивация электронного участия граждан в развитии города (на примере портала «Наш Санкт-Петербург») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2021. № 20 (2). С. 263–290. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.206>
8. Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? // The Journal of socio-economics. 2009. Vol. 38, no. 6. P. 878–885.
9. Герсонская И. В. Государственная социальная политика на современном этапе развития России // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т. 15, № 2 (109). С. 5–16.
10. Sinclair S., Mazzei M., Baglioni S., Roy M. J. Social innovation, social enterprise, and local public services: Undertaking transformation? // Social Policy & Administration. 2018. Vol. 52, no. 7. P. 1317–1331.
11. Oosterlynck, S., Novy A., Kazepov Yu. Local social innovation to combat poverty and social exclusion: a critical appraisal. Bristol: Policy Press, 2019.
12. Massey A. Persistent public management reform: an egreore of liberal authoritarianism? // Public Money & Management. 2018. no. 39. P. 1–10. <https://doi.org/10.1080/09540962.2018.1448160>
13. Cajaiba-Santana G. Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 82. Social innovation. P. 42–51.
14. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
15. Устинова К. А. Социальные инновации: эффекты от реализации и перспективы развития // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 3. С. 1815–1830.
16. Mulgan G., Tucker S., Ali R., Sanders B. Social innovation: what it is, why it matters, how it can be accelerated. London: Young Foundation, 2007.
17. Hochgerner J. Social innovation // Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship / Carayannis E. G. (ed.). Cham: Springer International Publishing, 2020.
18. Попов Е. В., Омонов Ж. К., Наумов И. В., Веретенникова А. Ю. Тенденции развития социальных инноваций // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 3. С. 35–59.
19. Целых М. П. Роль специалистов неформального и информального образования в социализации мигрантов в Великобритании // Глобальный научный потенциал. 2019. № 5 (98). С. 174–176.

20. Апокина К. В., Зубайдуллина В. Р. Социальное предпринимательство в Великобритании // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2019. № 6. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (дата обращения: 04.04.2022).

21. Вольфсон С. В. К вопросу об истории становления инновационного предпринимательства. Международный опыт // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 112–115.

22. Голова И. М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 4. С. 1346–1360. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21>

23. Лебедева Н. Феноменология и социология чужого: как связаны чуждость города и отчуждение людей внутри города // Versus. 2021. Т. 1, № 1. С. 290–306.

24. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6. URL: <https://issek.hse.ru/rirr2019> (дата обращения: 09.05.2022).

25. ЗАТО Северск. Администрация ЗАТО Северск. URL: <https://xn---7sbhblh0a1awgee.xn--p1ai> (дата обращения: 18.05.2022).

26. Официальный сайт города Салехард. URL: <https://salekhard.org/> (дата обращения: 18.05.2022).

27. История Магнитогорска. URL: <https://www.magnitogorsk.ru/content/o-gorode/istoriya-magnitogorska> (дата обращения: 18.05.2022).

28. Полтавская Т. Н., Лантева Ю. И. Реформаторский тренд в местном самоуправлении и перспективы развития Воронежской области // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России. Материалы 5-й Межрегиональной научно-практической конференции. Воронеж: Изд-во Воронежского филиала РАНХиГС, 2019. С. 117–121.

Статья поступила в редакцию 3 июля 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Балашов Алексей Игоревич — д-р экон. наук, проф.; aleksey.i.balashov@gmail.com
Васильева Елена Александровна — д-р социол. наук, проф.; vasilieva_ea@bk.ru
Столярова Дарья Андреевна — ассистент; dashastspb13@gmail.com

Social innovation in Russian cities: Assessing service management potential

A. I. Balashov¹, E. A. Vasilieva², D. A. Stolyarova³

¹ St Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,

13, 12-ya liniya V. O., St Petersburg, 199178, Russian Federation

² North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

57/43, Sredniy pr. V. O., St Petersburg, 199178, Russian Federation

³ HSE University,

16, ul. Soyuza Pechatnikov, St Petersburg, 190008, Russian Federation

For citation: Balashov A. I., Vasilieva E. A., Stolyarova D. A. Social innovation in Russian cities: Assessing service management potential. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 424–440. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.407> (In Russian)

The article presents a method for assessing the potential of social innovations in the cities of the Russian Federation based on the use of quality of life indicators provided by VEB.RF. The social innovative potential is the presence of a set of socio-economic development conditions that positively influence the creation, dissemination and use of innovations, both technical and managerial, in the provision of social services. In the course of the study a hierarchi-

cal clustering of the cities according to the obtained comprehensive assessment using Ward's method was carried out. It was established that the cluster with high potential for emergence and development of social innovations includes only two cities out of studied 51 ones, the largest number of cities are included in the cluster with low level of potential. A high level of potential has been identified in small single-industry towns, with a homogenised population engaged in high-tech industry, with a high level of self-organisation and civic engagement. The population of cities with the lowest levels of potential is characterised by high levels of fragmentation, which is not compensated by higher levels of income. The key factors determining the potential are the activity of interaction within communities and the presence of organisations that carry out their activities in the social services sector. Thus, it can be assumed that increasing the potential for social innovation in Russian cities depends on the communication competences of local authorities and the establishment of a functioning system of social entrepreneurship, which brings to the fore the problem of integrating modern effective management methods into the social services sector.

Keywords: social innovation, services sector, management, innovative potential, local government.

References

1. Report on the implementation of measures to ensure gradual access of non-state organizations operating in the social sphere to budgetary funds allocated for the provision of social services to the population in 2020. Available at: https://admtymen.ru/files/upload/OIV/D_soc-r/Доклад%20о%20реализации%20мер%20по%20обеспечению%20поэтапного%20доступа%20негосударственных%20организаций%20к%20бюджетным%20средствам%20в%202020%20году.pdf (accessed: 09.09.2022). (In Russian)
2. Vyunov S.S., Klypin A.V. To the question of assessing the demand for research and development results by the real sector of the economy and industries of the social sphere. *Upravlenie nauko: teoriia i praktika*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 122–142. (In Russian)
3. Sokolova S.V. Social sphere as an object of management. *Vestnik Universiteta*, 2015, no. 6, pp. 251–253. (In Russian)
4. Likhnovich Yu. Yu. The social sphere and social infrastructure: approaches to definition. *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniia proizvodstvom: sbornik nauchnyh trudov vuzov Rossii*, 2008, no. 25, pp. 304–310. (In Russian)
5. Abubakirov R.F. The social sphere as a component of the public sector of the modern economy. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2007, no. 3, pp. 118–123. (In Russian)
6. Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure. *The review of economics and statistics*, 1954, Vol. 36, no. 4, pp. 387–389.
7. Aubakirova K.I., Golubeva A. A., Sokolova E. V. Motivation of electronic participation of citizens in the development of the city (on the example of the portal of “Our St Petersburg”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2021, no. 20 (2), pp. 263–290. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.206> (In Russian)
8. Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? *The Journal of Socio-Economics*, 2009, vol. 38, no. 6, pp. 878–885.
9. Gersonskaya I.V. State social policy at the present stage of Russia's development. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, 2020, vol. 15, no. 2 (109), pp. 5–16. (In Russian)
10. Sinclair S., Mazzei M., Baglioni S., Roy M. J. Social innovation, social enterprise, and local public services: Undertaking transformation? *Social Policy & Administration*, 2018, vol. 52, no. 7, pp. 1317–1331.
11. Oosterlynck S., Novy A., Kazepov Yu. *Local social innovation to combat poverty and social exclusion: a critical appraisal*. Bristol, Policy Press, 2019.
12. Massey A. Persistent public management reform: an egregore of liberal authoritarianism? *Public Money & Management*, 2018, no. 39, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/09540962.2018.1448160>
13. Cajaiba-Santana G. Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 2014, vol. 82, Social innovation, pp. 42–51.
14. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development*. Moscow, Progress Publ., 1982. (In Russian)
15. Ustinova K.A. Social innovations: the effects of implementation and development prospects. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 1815–1830. (In Russian)

16. Mulgan G., Tucker S., Ali R., Sanders B. *Social Innovation: what it is, why it matters, how it can be accelerated*. London, Young Foundation, 2007.
17. Hochgerner J. *Social Innovation. Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship*. Carayannis E. G. (ed.). Cham: Springer International Publishing, 2020.
18. Popov E. V., Omonov Zh. K., Naumov I. V., Veretennikova A. Yu. Trends in the development of social innovations. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 35–59. (In Russian)
19. Tselikh M. P. The role of non-formal and informal education professionals in the socialization of migrants in Britain. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 2019, no. 5 (98), pp. 174–176. (In Russian)
20. Apokina K. V., Zubaidullina V. R. Social entrepreneurship in Great Britain. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, 2019, no. 6. Available at: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (accessed: 04.04.2022). (In Russian)
21. Volfson S. V. On the history of the formation of innovative entrepreneurship. International experience. *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2018, no. 53, pp. 112–115. (In Russian)
22. Golova I. M. Ecosystem approach to the management of innovation processes in Russian regions. *Ekonomika regiona*, 2021, vol. 17, iss. 4, pp. 1346–1360. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21> (In Russian)
23. Lebedeva N. Phenomenology and the sociology of the alien: How the alienation of the city and the alienation of people within the city are related. *Versus*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 290–306. (In Russian)
24. *Rating of innovation development of the subjects of the Russian Federation*. Iss. 6. Available at: <https://issek.hse.ru/rirr2019> (accessed: 09.05.2022). (In Russian)
25. *ZATO Seversk. Administration of ZATO Seversk*. Available at: <https://xn----7sbhlb0a1awgee.xn--p1ai> (accessed: 18.05.2022). (In Russian)
26. *Official website of the city of Salekhard*. Available at: <https://salekhard.org/> (accessed 18.05.2022). (In Russian)
27. *History of Magnitogorsk*. Available at: <https://www.magnitogorsk.ru/content/o-gorode/istoriya-magnitogorska> (accessed: 18.05.2022). (In Russian)
28. Poltavskaya T. N., Lapteva Y. I. Reformatory trend in local self-government and prospects for development of the Voronezh Oblast. *Problemy effektivnosti gosudarstvennoi vlasti: vneshnie i vnutrennie faktory dinamichnogo razvitiia Rossii. Materialy 5-i Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Voronezh, Voronezh branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration Press, 2019, pp. 117–121. (In Russian)

Received: July 7, 2022

Accepted: October 31, 2022

Authors' information:

Aleksei I. Balashov — Dr. Sci. in Economics, Professor; aleksey.i.balashov@gmail.com

Elena A. Vasilieva — Dr. Sci. in Sociology, Professor; Vasilieva_ea@bk.ru

Daria A. Stolyarova — Assistant; dashastspb13@gmail.com